

О ПОНЯТИЯХ *ввозной язык* и *нюспикеризм* В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЛИТВЫ

Алла Борисовна Лихачева

Вильнюсский университет, Литва
E-mail: ala.lichaciova@flf.vu.lt
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8768-7815>

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность обращения к некоторым новым терминам для описания сегодняшней социолингвистической ситуации в Литве. Существенными компонентами этой ситуации являются специфическая гетерогенность этноязыковой панорамы страны, интенсивная миграция и обусловленные первыми двумя факторами неоднородные языковые практики внутри страны. Предлагаемый автором статьи термин *ввозной язык* и недавно закрепившийся в европейской социолингвистике термин *нюспикеризм* до сих пор не использовались в работах литовских социолингвистов. Вместе с тем первый из них представляется уместным для обозначения языка иммигрантов, который они продолжают относительно широко использовать в принимающей стране, второй – для социолингвистической категоризации подобных иммигрантов.

В работе рассматриваются теоретические предпосылки введения новых терминов для характеристики нынешней языковой ситуации в Литве и обозначения ее участников. Используются статистические данные, связанные с миграционными процессами в Литве, и фрагменты интервью с иммигрантами разных лет.

Ключевые слова: социолингвистическая ситуация, миграция, иммигранты, русский язык, *ввозной язык*, *нюспикеры*.

On the Concepts of *Imported Language* and *Newspeakism* in the Sociolinguistic Context of Lithuania

Summary. This article outlines the advantages of introducing some new terms to describe the current sociolinguistic situation in Lithuania. Its essential components are the heterogeneity of the country's ethno-linguistic landscape, intensive internal and external migration and the different types of language practices within the country, which are the result of the first two factors. The term “imported language” proposed by the author of the article and the term “newspeakism”, which has recently become established in European sociolinguistics, have not yet been used in the works of Lithuanian sociolinguists. However, these terms can be important for describing the linguistic specifics of some regions of Lithuania. The first term seems appropriate to denote the language of immigrants, which is used relatively widely in the host country, not only in family, but also in the everyday and official communication, and the second – for the sociolinguistic categorization of such immigrants. Most immigrants are residents of post-Soviet countries with native or well-mastered Russian language, therefore, in the article, it is Russian that is defined as an imported language.

Received: 10.10.2020. Accepted: 4.11.2020

Copyright © 2020 Алла Борисовна Лихачева. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

The paper examines the theoretical prerequisites for the introduction of new terms for a more accurate description of the current linguistic situation in Lithuania and the designation of its participants. Statistical data on migration processes in Lithuania and fragments of interviews with immigrants of chronologically different arrival streams are used.

Key words: sociolinguistic situation; migration; immigrants; Russian language; imported language; new speakers.

Apie įvežtinės kalbos ir *newspeakerism* 'o sąvokas Lietuvos sociolingvistiniame kontekste

Santrauka. Šiame straipsnyje pagrindžiamas tikslingumas vartoti kai kuriuos naujus terminus apibrėžiant dabartinę sociolingvistinę situaciją Lietuvoje, kuriai būdingas specifinis šalies etnolingvistinės panoramos heterogeniškumas, intensyvi migracija ir nevienalytės kalbinės praktikos šalies viduje, kurias sukelia pirmieji du veiksniai. Straipsnio autorės pasiūlytas terminas *įvežtinė kalba* ir pastaruoju metu Europos sociolingvistikoje įsigalėjęs terminas *newspeakerism* dar nebuvo vartojami Lietuvos sociolingvistų darbuose. Pirmas terminas atrodo tinkamas imigrantų kalbai, kurią jie ir toliau gana plačiai vartoja priimančiojoje šalyje, įvardyti, o antrasis – sociolingvistiniams tokių imigrantų kategorizavimui. Straipsnyje nagrinėjamos teorinės prielaidos įvesti naujus terminus, tinkamus apibūdinti esamą kalbinę situaciją Lietuvoje ir jos dalyvius. Naudojami statistiniai duomenys, susiję su migracijos procesais Lietuvoje, ir skirtingų metų imigrantų interviu fragmentai.

Reikšminiai žodžiai: sociolingvistinė situacija; migracija; imigrantai; rusų kalba; įvežtinė kalba; nju-spikeriai

1. Постановка проблемы

Репрезентация интенсивных миграционных процессов последних десятилетий средствами социалингвистики требует расширения терминологического арсенала и поиска обозначений актуальных реалий и тенденций, наблюдаемых в разных странах. Так, в конце XX–начале XXI вв. появились существенные для условий эмиграции понятия *семейная языковая политика* (family language policy, см. [King, Fogle 2006]); *семейное языковое планирование, семейный языковой менеджмент* (family planning / managing language, см. [Spolsky 2009], также [Smith-Christmas 2016]); необходимость обозначения процесса постепенного разрушения, “стирания” родного языка в условиях иноязычного доминирования привело к возникновению терминологического сочетания *языковая аттриция* (language attrition, см. [Корке, Schmid 2004]); и наоборот — с изучением факторов, позволяющих сохранить жизнеспособность языка в иноязычном окружении, связаны термины *витальность языковой группы*, или *этнолингвистическая витальность* (the language group vitality; ethnolinguistic vitality, см. [Landry, Allard 1994; Allard, Landry 1986]); помимо сложного и противоречивого понятия *родной язык*, широкое распространение получило обозначение *унаследованный язык* (heritage language, см. [Polinsky, Kagan 2007¹]); учет особенностей языковых си-

¹ Авторы отмечают, что термин вошел в широкое употребление, в частности, в работах по социалингвистике после ряда коллоквиумов и конференций по унаследованным ценностям человечества, проходивших в 1999 г. под эгидой ЮНЕСКО.

туаций, складывающихся в странах миграции, оформился в концепцию и соответствующий термин-название — *нюспикеризм* (newspeakerism, см. [Jaffe, 2015; O'Rourke, Pujolar, Ramallo 2015]).

Цель настоящей статьи — предложить и обосновать целесообразность обращения к некоторым терминам, до сих пор не использовавшимся для описания сегодняшней языковой (социолингвистической) ситуации в Литве.

2. Специфика социолингвистической ситуации в Литве

Термины *языковая ситуация* и *социолингвистическая ситуация* в работах по социолингвистике часто используются как синонимы, при этом второй из них предполагает акцентирование социально-демографических условий функционирования и общественного статуса языков, языкового регулирования и прогнозирования, а также языковой компетенции различных групп населения страны (см. [ССТ, 221, 271–272]).

Говоря об актуальной социолингвистической ситуации в Литве, я имею в виду такие взаимосвязанные аспекты, как специфическая гетерогенность этноязыковой панорамы страны, сегодняшняя миграция и обусловленные первыми двумя факторами языковые практики внутри страны.

Литва не относится к числу мононациональных государств, которые считаются таковыми при условии, если в них “проживает относительно незначительное количество лиц разных национальностей, которые не оказывают заметного влияния на национально-языковую ситуацию в стране” [ССТ, 158]². При этом одной из существенных характеристик этнического разнообразия в Литве является его “отчетливо региональное измерение” [Hogan-Brun, Ramonienė, Grumadienė 2005, 355], поэтому Литва была и остается неоднородной и в социолингвистическом плане: большую часть страны можно считать исключительно литовскоязычной, однако на определенных территориях сохраняется исторически сложившееся многоязычие с преобладанием польского или русского языков, в основном на востоке и юго-востоке страны (см. [Ramonienė 2013]), а самым многоязычным городом страны является Вильнюс, отличающийся

² Миграционные потоки во многом меняют социокультурный уклад так называемых мононациональных стран. Например, В. Bidzińska, автор статьи “Debunking the myth of Poland’s monoculturality” (‘Развенчание мифа о монокультурности Польши’), “переосмысливает представление о Польше как о монокультурном обществе, апеллируя к тому, что благодаря современным миграционным тенденциям страна превратилась в мультикультурное и многонациональное объединение. Автор приводит аргументы в поддержку теории о том, что различные этнические группы, проживающие на территории Польши в результате волны иммиграции, влияют на язык, музыку и литературу принимающей страны, обогащают лексику, развивают морфологию и изменяют произносительную норму польского языка” (см. об этом [Комалова 2019, 54]).

также традицией длительного сосуществования литовского, польского и русского языков в речевой жизни горожан (см. об этом [Лихачева 2018]).

В Литве с 90-х годов XX века наблюдается активная миграция как внутреннего порядка — со сменой места жительства в пределах страны, так и внешнего, сопровождающаяся выездом литовцев из страны [MARi-joziai; Migracija skaičiai]. Внутренняя миграция обеспечивает приток новых жителей из литовской провинции в большие города [MARi-joziai]. В частности, в Вильнюс в период с 2011 по 2018 гг. переехало почти 50 тыс. литовцев, однако потенциальный положительный миграционный баланс в столице страны нарушается внешней миграцией: из Вильнюса выехало за границу около 57 тыс. жителей [MARi-joziai]. Вместе с тем, демографические потери в некоторой степени компенсируются иммигрантами-иностранцами. В 2018 г. наиболее заметное миграционное нетто наблюдалось в Вильнюсе, Клайпеде и Шяуляй [Migracija skaičiai].

В начале 2019 г. в Литве проживало 58 тыс. иностранцев из 139 стран мира, что составляло 2,08 % от общего числа жителей страны [Migracija skaičiai], а к 1-му июля 2020 г. число иностранцев увеличилось на 23,7 % и в настоящее время составляет 2,96 % от общего числа населения Литвы [MIPAS]. Иностранцы, приезжающие с целью воссоединения семьи, расселяются в разных регионах Литвы; те же, кто приезжает на работу или учебу, в основном оказываются в больших городах, поскольку эти возможности предоставляются именно крупными центрами страны. Так, в Вильнюсе в 2018 г. проживало 24458 иностранцев, в Клайпеде — 7542, в Шяуляй — 6392, в Каунасе — 6356. Наибольшее количество иностранцев в Литве составляют иммигранты из Украины (29 %), Российской Федерации (22 %) и Беларуси (21 %) [Migracija skaičiai].

3. Вопросы терминологии

Перемены в демографической картине Литвы требуют выработки социолингвистической категоризации говорящих на ее языке/-ах — аналогично тому, как это происходит сегодня в других странах (об этом, напр. [Jaffe 2015]). В первую очередь, ученые поднимают вопрос о содержании понятия *носитель языка* (английский термин — *speaker*, букв. ‘говорящий’) и соотношении этого обозначения с недавним термином *ньюспикер* (англ. *new speaker*, букв. ‘новый говорящий’, или ‘новый носитель языка’) (см. [O’Rourke, Pujolar, Ramallo 2015; Jaffe 2015; Rojo, Reiter 2014; Doerr 2009]). Терминологически носителем языка традиционно называется “индивид, владеющий данным языком, как родным” [ССТ, 152] (ср. англ. *native speaker*, лит. *gimtakalbis*).

Возникает вопрос: как обозначить категорию жителей Литвы, которую составляют иммигранты с ввозным русским языком? *Ввозным язы-*

ком предлагаю называть язык, “ввозимый” значительной частью иммигрантов как язык, на который им комфортнее всего опереться в период адаптации (нередко весьма продолжительной) в другой стране, поскольку этим языком, по их сведениям, в той или иной степени владеет большинство жителей принимающего города или региона; это язык, которым они продолжают / имеют возможность пользоваться в новой стране не только в семейном, но и в официальном общении, поскольку этот язык остается существенным компонентом локальной социолингвистической ситуации. Именно в таком качестве выступает русский язык для представителей разных национальностей, приезжающих в Литву из бывших советских республик. Об этом свидетельствуют суждения самих иммигрантов, обосновавшихся в Литве в разные годы³.

Из интервью с 60-летним армянином⁴, до переезда в Литву несколько лет прожившим в России:

— *Вы свой родной язык знаете? — А как же? Учился армянской школе, закончил армянскую школу. А как не знать? И семья вся знает, и дети знает. Это слишком надо умным быть, чтобы забывать свой язык. [...] Родной знаешь, остальные научись. Жизнь заставит учиться. [...] Я не знал вообще русского языка, но жизнь заставила мне это, как и здесь вот сейчас. За 15 лет мне жизнь заставила немного научиться литовского языка. — А ваши дети? — Мои дети? Чисто владеют (литовским). Дочка даже на литовском колледж закончила, хотя закончила русскую школу. Им легче. А мне уже в моём возрасте тяжело уже учиться. — А если вам приходится общаться с людьми, которые не знают вашего языка? — Армянского? Тогда русский. Да, только на русском. А на каком ещё я могу с ними? [...] Ломаным литовским языком и всё, больше никак (Клайпеда, 2009)⁵.*

51-летний азербайджанец, более 30-и лет живущий в Литве, сообщает:

Как только приехал сюда, не так тяжело все было, как казалось, проблема была в том, что не знаю литовский язык. Со временем понял, что для начала хватит и русского языка, до сих пор чаще всего пользуюсь русским языком. [...] Литовский хорошо до сих пор не знаю. Конечно же, понимаю, потому что каждый день слышу этот язык, но говорить свободно не могу. [...] В семье общаемся только на азербайджанском языке, а в общественных местах — на русском (Вильнюс, 2016).

Из интервью с азербайджанкой, вышедшей замуж за литовца и живущей в Вильнюсе с 2008 г.:

³ Цитируются фрагменты интервью с указанием их источников. Фрагменты интервью, записанных автором настоящей статьи, приводятся без указания источника.

⁴ Интервью записано в ходе исследовательского проекта „Miestai ir kalbos“ (см. [Ramonienė 2010]), орфография воспроизводит речь информанта.

⁵ Здесь и далее в скобках указываются место и год записи интервью.

Литовский мне нужен только на работе, и то я там говорю чаще всего на русском, почти все коллеги меня понимают (Вильнюс, 2016)⁶.

Еще несколько фрагментов — из социологического исследования [Žibas 2012], включающего глубинные интервью с белорусами, украинцами и русскими, приехавшими в Литву после 2004 г.⁷:

Сколько времени живу здесь, только троих человек встретил, которые принципиально не хотели говорить со мной по-русски... или по-английски... здесь, в Клайпеде. [...] Во всех остальных случаях люди либо стараются внимательно выслушать, что я пытаюсь сказать, либо сами стараются говорить по-русски (Клайпеда, 2012);

Я знаю, что меня понимают, когда я говорю по-русски, поэтому могу по-литовски не говорить (Вильнюс, 2012) [Žibas 2012, 158; 166].

Нередко именно хорошее владение русским, а не другими иностранными языками, а также личное восприятие Литвы как наиболее подходящего места для жизни, определяет выбор этой страны среди других потенциальных направлений эмиграции.

Из интервью:

Чувствую себя здесь, как дома, лучше, чем в Москве. [...] По работе ездила в командировки в Германию, Польшу, Словакию, Аргентину и в другие страны. Когда я начала думать об эмиграции, пришла к выводу, что мой возраст, мое нутро и владение языками не позволяют мне поехать ни в одну из развитых стран Европы. [...] Когда я была в Литве 1,5 года назад, [...] я заметила, что условия растить детей для меня... культурного человека, здесь более приемлемые, чем в России. [...] Я хочу общаться с теми людьми, с которыми у меня есть что-то общее, поэтому ситуация была достаточно простая. Оказывается, я могу жить только в Балтийских странах (Вильнюс, 2012) [Žibas 2012, 160].

Подобным образом свой выбор принимающей страны мотивируют и иммигранты более позднего времени. Приведу мнение белоруса, живущего в Литве с 2015 г.:

У меня работа всегда была связана с границей. До этого 17 лет работал в России, в Голландии, пробовал начать работу в Польше – там не понравилось. 3,5 года жил в Москве, но здесь, в Вильнюсе, мне удобнее, спокойнее. Для белорусов литовский менталитет гораздо ближе, чем русский (Вильнюс, 2019)⁸.

⁶ Фрагменты из интервью с азербайджанцами заимствованы из магистерской работы Г. Агаевой “Культурно-языковая адаптация иммигрантов, проживающих в Литве (случай иммигрантов из Азербайджана)”, написанной под моим руководством и защищенной в Вильнюсском университете в 2016 г.

⁷ Фрагменты из интервью, переведенных автором цитируемой статьи на литовский язык, привожу в моем “обратном” переводе.

⁸ Подробнее о недавних иммигрантах см. [Лихачева 2019].

Ученые, изучающие функционирование русского языка вне России, отмечают определенную устойчивость его позиций на постсоветском пространстве. Так, американский социолингвист Анета Павленко пишет: “[В] в полиэтническом контексте русский язык сохраняет свою роль не только в межличностном общении, но, в некоторых случаях, в общении между государством и меньшинствами. Представители многих этнических меньшинств, включая украинцев, белорусов, евреев, немцев, татар или армян, могут фактически говорить по-русски как на родном языке и, таким образом, способствуют его поддержанию и передаче” [Pavlenko 2008, 76]. Не случайно другой крупный специалист в области социолингвистики Н. Мечковская [2005] говорит о новом статусе постсоветского русского языка на социолингвистической карте мира и предлагает обозначать его как *полинациональный язык*. Русский язык также характеризуется как *транснациональный*, так как понятие “русскоязычный” сегодня объединяет говорящих на этом языке, независимо от гражданства и национальности и от того, проживают ли они в России, в бывших советских республиках или в других уголках земного шара [Byford, Connor, Hutchings 2020].

Важно отметить, что термин *ввозной язык* как таковой не имплицитует поли- или транснациональности языка; термин служит характеристикой компонента языковой ситуации страны, одновременно выступая лингвистическим маркером адаптационных стратегий иммигрантов. Так, многими прибывающими в Литву иммигрантами русский язык *ввозится* как родной или наиболее хорошо усвоенный второй язык, который остается доминирующим (или одним из доминирующих) в их языковых практиках до того времени, когда они оказываются готовыми или вынужденными общаться на государственном языке.

Примеры из интервью с иммигрантами:

— *Больше всего в литовское общество помогают интегрироваться именно русскоязычные клайпедчане. В первую очередь я сдружился с местной русской молодежью...* (студент из Украины; Клайпеда, 2019) [Кишиневский 2019];

— *Закончил белорусскую школу и приехал в Вильнюс учиться, но не закончил учебу здесь, просто удалось поступить туда, куда хотел — в российский вуз. Так что, когда я вернулся в Литву, литовского в общем-то не знал, да он тогда, в начале 90-х, еще и не был особенно нужен. Но я все понимал, конечно, и так получилось, что заговорил я по-литовски в один день — просто я должен был... так сложились обстоятельства, и у меня, как говорится, язык развязался. И с тех пор всё — говорю без проблем. [...] Жена из России, литовского не знает, а зачем ей? Она не работает в государственных учреждениях...* (Вильнюс, 2020).

Итак, как обозначить категорию жителей Литвы, которую составляют иммигранты с *ввозным* русским языком? Можно ли их считать *нюнси-*

керами по отношению к русскоязычному и в целом — к языковому сообществу Литвы?

С одной стороны, в работах о феномене *нюспикеризма* это понятие соотносится с языковыми меньшинствами в конкретной стране в связи с появлением категории новых носителей, для которых соответствующий миноритарный язык является не родным, а выученным (см., напр., о каталонском *нюспикеризме* в Испании, валлийском — в Великобритании и др. [O'Rourke, Pujolar, Ramallo 2015]). В подобных случаях утверждается, что *нюспикеры* и их языковые практики способствуют укреплению жизнеспособности языка меньшинства.

Иное понимание *нюспикеризма* обнаруживается в [Lazdiņa, Marten 2017⁹], где *нюспикерами* называются иммигранты из бывших советских республик, Китая и недавние беженцы из разных стран, изучающие латышский язык, то есть язык большинства. Как сообщают упомянутые авторы, всё это — категории *новых* для Латвии *говорящих* по-латышски, как, впрочем, и те из местных русскоязычных жителей (*Russophones*), которые лишь в последние годы признали необходимость овладения государственным языком страны проживания. Интересно, что в той же публикации латышских исследователей в свете *нюспикеризма* рассматривается и *поддержка языковой витальности* небольшой группы населения восточной Латвии, говорящей и даже пишущей (*New Writers*) на региональном латгальском языке [Ibid.]. Данный случай вписывается в общую проблематику сохранения и оживления автохтонных миноритарных языков стран Западной Европы за счет увеличения числа их пользователей.

Еще один ракурс изучения *нюспикеризма* связан с понятиями *унаследованный язык* и его *межпоколенная трансмиссия и поддержка* (*intergenerational transmission and maintenance*) в условиях эмиграции. Рассматриваются соответствующие различным социолингвистическим ситуациям варианты семейного языкового планирования, позволяющие детям из иммигрантских сообществ (в частности, русскоязычных в Швеции и на Кипре) или представителей языковых меньшинств (в частности, русскоязычных Эстонии) становиться *нюспикерами* языка родителей. Здесь важны семейные установки относительно сохранения двуязычия детей с унаследованным (русским) языком в качестве компонента этого двуязычия при усвоении ими языка большинства [Karpava 2019; Ringblom, Zabrodskaja, Karpava 2016].

Как видим, в каком бы аспекте ни рассматривалось понятие *нюспикеризм*, речь идет о *пополнении* уже существующей на определенной

⁹ Авторы обобщают доклады участников одного из международных семинаров (Рига, 2017), посвященных проблематике *нюспикеризма* в рамках общеевропейской программы сотрудничества в области науки и технологий COST (Cooperation in Science and Technology).

территории категории говорящих на том или ином языке — титульном, миноритарном или региональном. В этом смысле в социолингвистическом контексте Литвы термин *нюспикеры* вполне точно характеризует иммигрантов, в том числе и русскоязычных, которые воспринимают свое русско-литовское двуязычие и, в особенности, двуязычие своих детей как норму.

Из интервью с понимающим и говорящим по-литовски белорусом, живущим в Литве с 90-х гг.:

— Сына, конечно, отдали в русскую школу. И до окончания школы он общался в основном по-русски, по-литовски ему не с кем было разговаривать: все окружение русское, друзья русские. Зато сейчас активно заговорил, потому что по работе имеет дело в основном с литовцами (Вильнюс, 2020).

Из радиointerview с беженцем из России, 3,5 года назад оказавшимся с родителями в Вильнюсе и выбравшим литовскую школу для завершения учебы¹⁰:

— Хотел сразу начать изучать литовский язык, чтобы было удобнее жить, а в русской школе ты не выучишь язык нормально, если не будет практики... Меня приняли в “*Lietuvių namai*” (школа “Литовский дом”). — А на каком языке вы общаетесь с одноклассниками, друзьями — не в классе? Стараешься по-литовски? — Нет, большинство моих друзей из СНГ, поэтому чаще всего мы говорим по-русски, потому что нам так удобнее [радиопередача “*Tautų katilas*” (“Котёл народов”), 2020].

Наряду с интеграцией в общество национального большинства иммигранты с *ввозным* русским языком “уплотняют” слой уже существующего русскоязычного общения на определенных территориях, в первую очередь таких, где носители русского языка традиционно составляют значительную долю населения (в частности, в Вильнюсе их около 20 %, и это почти 40 % всех русскоязычных Литвы [Ehala 2013, 93])¹¹.

Для сравнения приведу фрагменты из интервью с жителями моноязычного региона Литвы, приехавшими из Азербайджана в 80-е годы:

— Учить начал язык, как только приехал в Литву, так как понимал, что в дальнейшем он будет нужен мне. [...] Теперь дети мои учатся в Вильнюсе, и

¹⁰ Интервью происходило на литовском языке.

¹¹ К сожалению, статистические службы предоставляют лишь данные о количестве жителей Литвы, декларирующих русскую национальность, что не позволяет увидеть общую численность *русскоязычного* населения в городах страны. Однако, по данным Департамента статистики, среди тех жителей Литвы, которые во время последней (2011 г.) переписи населения назвали русский язык единственным родным, помимо этнических русских, оказалось 30 % представителей других национальностей, а вторым родным русский называет более 70 % жителей Литвы, считающих, что у них два родных языка [Lietuvos statistika].

там, по их рассказам, очень много разных людей. У нас в Шяуляй не так много (Шяуляй, 2016);

— Литву не могу назвать многоязычной страной, лично я не сталкивалась с этим. В нашем городе чаще всего, можно сказать, всегда, говорят на литовском языке. Сама я знаю русский, литовский и азербайджанский. На работе я говорю на литовском, в семье — на русском и азербайджанском (Шяуляй, 2016)¹².

4. Выводы

В Литве обозначение русского языка как *ввозного* должно иметь количественную и региональную обусловленность: с этим термином целесообразно связывать те регионы Литвы, в которых приток относительно большого количества *ньюспикеров* способствует устойчивости и даже укреплению позиций “местного” русского языка во многих сферах общения, а в итоге — возможности приезжающих русскоязычных ограничиваться минимальной компетенцией в литовском языке, в особенности если Литва не воспринимается ими как целевая страна. В тех же случаях, когда для ввозящих русский язык иммигрантов и их детей Литва оказывается государством не транзита, а переселения, они способны эффективно пополнять и категорию *ньюспикеров* литовского языка.

Еще одно возможное следствие увеличения количества *ньюспикеров* русского языка в Литве — некоторый сдвиг от остаточного среди молодежи литовско-русского билингвизма к билингвизму более активному, поскольку в последние годы владение русским языком вновь декларируется на литовском рынке труда как важное условие успешного трудоустройства (см. [Murauskaitė, Gudaitytė 2019; Černiauskaitė 2017])¹³. В работах о феномене *ньюспикеризма* анализируются аналогичные ситуации, когда “местные” носители языка большинства по своему выбору или по необходимости (заново) осваивают язык меньшинства [Комалова 2019, 56]. В таком случае *ньюспикерами* русского языка потенциально может стать и некоторая часть молодых литовцев¹⁴.

¹² Шяуляй — один из самых “литовских” городов Литвы: 93,6 % его населения — литовцы [Lietuvos statistika].

¹³ Ср. информацию на сайте языковой школы и профессионального бюро переводов: “Для желающих работать в логистике, инженерной сфере, строительстве курсы русского языка в Каунасе, Вильнюсе и других крупных городах особенно актуальны. Растущие бизнес-связи с Россией и необычайно большая иммиграция в Литву русскоязычных лишь увеличила потребность в русском языке” [Skrivanek vertimų biuras 2020].

¹⁴ Этому могут способствовать и складывающиеся политические и экономические контакты между Литвой, Украиной и Беларусью, причем, как прогнозирует белорусский социолингвист Н. Мечковская, “в Украине и Беларуси, вследствие ближайшего генеалогического родства языков и в силу высокого статуса русского языка в мировом информационном порядке, независимо от государственной национально-языковой политики, использование русского языка будет расширяться” [2019, 238].

Обобщенно варианты *нюспикеризма* в Литве (на определенных ее территориях), обусловленные притоком иммигрантов с *ввозным* (родным и неродным) русским языком, можно представить в следующей схеме:

Понятие *нюспикер*, полагают исследователи, можно считать социолингвистическим “перевертышем”, формой социолингвистической индексальности, новым классификатором, который должен интерпретироваться в рамках конкретного исторического, политического и социолингвистического контекста, “независимо от того, засвидетельствована ли категория «нюспикера» как явная, неявная или возникающая в дискурсах о языке и изучающих язык” [Jaffe 2015, 22] (см. также [Kargava 2019]).

Предложенные в настоящей статье термины *нюспикеризм* и *нюспикеры*, а также использование существенного для характеристики языковой специфики Литвы понятия *ввозной язык* могут способствовать более точному описанию и пониманию нынешней социолингвистической ситуации в Литве, с учетом ее социально-экономических, миграционных и этноязыковых аспектов, исторически обусловленной настороженности литовского социума в отношении использования в Литве других языков и, одновременно, также исторически обусловленного, привычного сосуществования разноязычных жителей в части регионов страны.

Источники

Кишиневский, Д., 2019. *Студент из Луцка: украинцы едут в Литву не только для того, чтобы работать на стройках*. URL: <https://m.ru.delfi.lt/news/article.php?id=80414371> (08 10 2020).

COST — Cooperation in Science and Technology; IS1306 — New Speakers in a Multilingual Europe — Opportunities and Challenges. URL: <https://www.cost.eu/actions/IS1306/> (17 09 2020).

Černiauskaitė, A., 2017. *Rusų kalba Lietuvoje vis dar tarp paklausiausių*. URL: <http://www.universitetozurnalistas.kf.vu.lt/2017/03/rusu-kalba-lietuvoje-vis-dar-tarp-paklausiausių/> (09 10 2020).

Lietuvos statistika. URL: http://statistics.bookdesign.lt/dalis_04.pdf (24 09 2020).

Миграција skaičiai — *European Migration Network*. URL: <http://123.emn.lt/> (10 09 2020).

MAPijoziai — *Žemėlapiai ir infografikai*. URL: <https://mapijoziai.lt/vidaus-ir-uzsienio-migracija-lietuvoje/> (10 09 2020).

MIPAS — *Платформа информации и сотрудничества в сфере миграции, Литва (на русском языке)*. Департамент миграции: главные показатели I-ого полугодия 2020 г. URL: <https://mipas.lt/ru/2020/07/20/%d0%b4%d0%b5%d0%b5%d0%b0%d1%80%d1%82%d0%b0%d0%bc%d0%b5%d0%bd%d1%82-%d0%bc%d0%b8%d0%b3%d1%80%d0%b0%d1%86%d0%b8%d0%b8-%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b2%d0%bd%d1%8b%d0%b5-%d0%bf%d0%be%d0%ba%d0%b0%d0%b7%d0%b0/> (09 09 2020).

Murauskaitė, A., Gudaitytė, G., 2019. *Be užsienio kalbų vargiai darba gausi: Vilniuje reikia vienu, Kaune — kitu*. URL: <https://www.lrytas.lt/verslas/rinkos-pulsas/2019/08/22/news/be-uzsienio-kalbu-vargiai-darba-gausi-vilniuje-reikia-vienu-kaune-kitu-11528266/> (07 10 2020).

UAB Skrivanek vertimų biuras: *Kur reikalinga specializuota rusų kalba?*, 2020. URL: <https://skrivanek.lt/kur-reikalinga-specializuota-rusu-kalba/> (30 09 2020).

“Tautų katilas” — Žinių radijas. Laida “Šešiolikos metų pabėgęs iš Rusijos, Dmitrij norėtų grįžti atgal”. URL: <https://youtu.be/GZ4NQTanYC4> (21 09 2020).

Литература

КОМАЛОВА, Л., 2019. Социолингвистические исследования языковых реалий в контексте миграционных процессов, *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал*. Москва: ИНИОН РАН, 50–59.

ЛИХАЧЕВА, А., 2019. Дискурс иммиграции и перспективы русскоязычия в Литве, *Slavistica Vilnensis*, 64(2). Вильнюс: Вильнюсский университет, 128–142. URL: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64\(2\).26](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64(2).26).

ЛИХАЧЕВА, А., 2018. Языковая повседневность Вильнюса с позиций аксиологической социолингвистики, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIV. Ч. 3. I. Языковое разнообразие города*. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 214–232. URL: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714312>

МЕЧКОВСКАЯ, Н., 2019. Русский язык в постсоветское время: что сокращает и что расширяет общение по-русски? In A. Nikunlassi, E. Protassova (Eds.), *Slavica Helsingiensia 52. Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki, 226–239.

МЕЧКОВСКАЯ, Н., 2005. Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе, *Russian Linguistics*, 29/1, 49–70.

ССТ — *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Институт языкознания РАН, 2006. (https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf).

ALLARD, R., LANDRY, R., 1992. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss. In W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.), *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 171–196.

BYFORD, A., CONNOR, D., HUTCHINGS, S., 2020. Introduction: Transnationalizing Russian Studies, *Modern Languages Open*, (1), 3. URL: <http://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.311> (09.10.2020).

DOERR, N. M., 2009. Investigating native speaker effects: Toward a new model of analysing native speaker ideologies. In N. Doerr (ed.), *The native speaker concept*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 15–43.

EHALA, M., 2013. Russian-Speakers in the Baltic Countries: Language Use and Identity. In Vihman, V.-A., Praakli, K. (Eds.), *Negotiating Linguistic Identity: Language and belonging in Europe*. Oxford: Peter Lang, 89–110.

HOGAN-BRUN, G., RAMONIENĖ, M., GRUMADIENĖ, L., 2005. The language situation in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, 36/3, 345–370. URL: <https://doi.org/10.1080/01629770500000131>

JAFFE, A., 2015. Defining the new speaker: theoretical perspectives and learner trajectories, *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 21–44, URL: <https://www.degruyter.com/view/journals/ijsl/2015/231/article-p21.xml> (03 10 2020).

KARPAVA, S. 2019. New speakers of Russian in Cyprus: identity, language use, maintenance and intergenerational transmission. In A. Nikunlassi, E. Protassova (Eds.), *Slavica Helsingiensia 52. Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki, 302–319.

KING, K. A., FOGLE, L., 2006. Bilingual parenting as good parenting: Parents' perspectives on family language policy for additive bilingualism, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 9(6), 695–712.

KOPKE, B., SCHMID, M. S., 2004. First language attrition: The next phase. In M. S. Schmid, B. Kopke, M. Keijzer, & L. Weilemar (Eds.), *First language attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 1–43.

LANDRY, R., ALLARD, R., 1994. Diglossia, ethnolinguistic vitality, and language behaviour, *International Journal of the Sociology of Language*, 108, 15–42.

LAZDIŅA, S., MARTEN, H. F., 2017. New Speakers in Latvia: Language Education Policy for Integration and Peace, *The new speakers network / Reports 2017*. URL: http://www.nspk.org.uk/images/Marten_Lazdina_REPORT_COST_event_New_Speakers_Latvia_April_10_2017.pdf (17 09 2020).

O'ROURKE, B., PUJOLAR, J., RAMALLO, F., 2015. New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword, *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 1–20.

POLINSKY, M., KAGAN, O., 2007. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom, *Language and Linguistics Compass*. Vol. 1(5), 368–395.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2010. *Miestai ir kalbos*. Vilnius: VU leidykla.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2013. *Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis*. Vilnius: VU leidykla.

RINGBLOM, N., ZABRODSKAJA, A., KARPAVA, S., 2016. *New Speakers' of Russian: Evidence from Russian-speaking mothers from Sweden, Estonia and Cyprus*. URL: https://www.nspk.org.uk/images/COST_2016_Event_Report_Stockholm.pdf (03 10 2020).

ROJO, L. M., REITER, R. M., 2014. Language and Migration. *ISCH COST Action IS1306. New Speakers in a Multilingual Europe – Opportunities and Challenges*. URL: <http://www.nspk.org.uk/images/WG2.pdf> (09 09 2020).

SMITH-CHRISTMAS, C., 2016. What Is Family Language Policy? In: *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Pivot, London.

SPOLSKY, B., 2009. *Language Management*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

ŽIBAS, K., 2012. Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių. In *Etniškumo studijos*, 1/2, 145–177.

Bibliography (Transliteration)

ALLARD, R., LANDRY, R., 1992. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss. In W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.), *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 171–196.

BYFORD, A., CONNOR, D., HUTCHINGS, S., 2020. Introduction: Transnationalizing Russian Studies, *Modern Languages Open*, (1), 3. URL: <http://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.311> (09.10.2020).

DOERR, N. M., 2009. Investigating native speaker effects: Toward a new model of analysing native speaker ideologies. In N. Doerr (ed.), *The native speaker concept*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 15–43.

EHALA, M., 2013. Russian-Speakers in the Baltic Countries: Language Use and Identity. In Vihman, V.-A., Praakli, K. (Eds), *Negotiating Linguistic Identity: Language and belonging in Europe*. Oxford: Peter Lang, 89–110.

HOGAN-BRUN, G., RAMONIENĖ, M., GRUMADIENĖ, L., 2005. The language situation in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, 36/3, 345–370. URL: <https://doi.org/10.1080/01629770500000131>

JAFFE, A., 2015. Defining the new speaker: theoretical perspectives and learner trajectories, *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 21–44. URL: <https://www.degruyter.com/view/journals/ijsl/2015/231/article-p21.xml> (03 10 2020).

KARPAVA, S. 2019. New speakers of Russian in Cyprus: identity, language use, maintenance and intergenerational transmission. In A. Nikunlassi, E. Protassova (Eds.), *Slavica Helsingiensia 52. Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki, 302–319.

KING, K. A., FOGLE, L., 2006. Bilingual parenting as good parenting: Parents' perspectives on family language policy for additive bilingualism, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 9(6), 695–712.

KOMALOVA, L., 2019. Sociolingvisticheskie issledovaniya yazykovyh realij v kontekste migracionnyh processov, *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyj zhurnal*. Moskva: INION RAN, 50–59.

KOPKE, B., SCHMID, M. S., 2004. First language attrition: The next phase. In: M. S. Schmid, B. Kopke, M. Keijzer, & L. Weilemar (Eds.), *First language attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 1–43.

LANDRY, R., ALLARD, R., 1994. Diglossia, ethnolinguistic vitality, and language behaviour, *International Journal of the Sociology of Language*, 108, 15–42.

LAZDIŅA, S., MARTEN, H. F., 2017. New Speakers in Latvia: Language Education Policy for Integration and Peace, *The new speakers network / Reports 2017*. URL: http://www.nspk.org.uk/images/Marten_Lazdina_REPORT_COST_event_New_Speakers_Latvia_April_10_2017.pdf (17 09 2020).

LIHACHEVA, A., 2018. Yazykovaya povsednevnost' Vil'nyusa s pozicij aksiologicheskoy sociolingvistiki, *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkih issledovanij RAN*. T. XIV. Ch. 3. I. Yazykovoe raznoobrazie goroda. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 214–232. URL: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714312>

LIHACHEVA, A., 2019. Diskurs immigracii i perspektivy russkoyazychiya v Litve, *Slavistica Vilnensis*, 64(2). Vil'nyus: Vil'nyusskij universitet, 128–142. URL: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64\(2\).26](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64(2).26).

MECHKOVSKAYA, N., 2005. Postsovetskij russkij yazyk: novye cherty v sociolingvisticheskom statuse, *Russian Linguistics*, 29/1, 49–70.

MECHKOVSKAYA, N., 2019. Russkij yazyk v postsovetskoe vremya: chto sokrashchaet i chto rasshiraet obshchenie po-russki? In A. Nikunlassi, E. Protassova (Eds.), *Slavica Helsingiensia* 52. Russian Language in the Multilingual World. Helsinki: University of Helsinki, 226–239.

O'ROURKE, B., PUJOLAR, J., RAMALLO, F., 2015. New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword, *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 1–20.

POLINSKY, M., KAGAN, O., 2007. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom, *Language and Linguistics Compass*. Vol. 1(5), 368–395.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2010. *Miestai ir kalbos*. Vilnius: VU leidykla.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2013. *Miestai ir kalbos II*. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis. Vilnius: VU leidykla.

RINGBLOM, N., ZABRODSKAJA, A., KARPAVA, S., 2016. New Speakers' of Russian: Evidence from Russian-speaking mothers from Sweden, Estonia and Cyprus. URL: https://www.nspk.org.uk/images/COST_2016_Event_Report_Stockholm.pdf (03.10.2020).

ROJO, L. M., REITER, R. M., 2014. Language and Migration. ISCH COST Action IS1306. *New Speakers in a Multilingual Europe – Opportunities and Challenges*. URL: <http://www.nspk.org.uk/images/WG2.pdf> (09 09 2020).

SMITH-CHRISTMAS, C., 2016. What Is Family Language Policy? In *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Pivot, London.

SPOLSKY, B., 2009. *Language Management*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

SST — *Slovar' sociolingvistichestkih terminov*. Moskva: Institut yazykoznanija RAN, 2006. (https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf).

ŽIBAS, K., 2012. Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių. In *Etniškumo studijos*, 1/2, 145–177.

Алла Лихачева, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета.

Alla Likhachiova, PhD (Humanities), Professor of the Russian Department, Vilnius University.

Ala Lichačiova, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Rusų filologijos katedros profesorė.